

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького, д. 5/6 Телефон Б 9-51-С1

Вырезка из газеты ИНДУСТРИАЛЬНОЕ
ЗАПОРОЖЬЕ

от 12 ЯНВ 1985
Газета №

г. Запорожье

НОВЫЕ КНИГИ

ЧИТАЯ РОМАН ЗЕМЛЯКА

Года три-четыре тому назад, летним вечером, мы сидели у костерка на Великом Лугу. С запада медленно подплывала лихая, темная туча. Погромы хивало. Павел Данилович — старший среди нас, уже седой, полжарый, днем всегда куда-то спешащий, бодро кидающий несколько слов на ходу, — тихо и грустно рассказывал о войне, концлагерях, где побывал, как бежал оттуда, о взаимопомощи, человеческом тепле.

— Возьмите и напишите, — посоветовал я.

Он, к тому времени автор многих книг, и сам, конечно, не раз думал об этом. Да все не «вытанцовывалось», или другие, более актуальные темы одолевали. Он любил писать о шахтерах, рыбаках, металлургах, которых хорошо знал и, публицист по призванию, вместе с другими создавший, следуя горьковской традиции, историю «Запорожстали», директор ее народного музея — уделяя этому большую часть своего времени. А оно бежало к шестидесяти, так быстро таяло...

Но писатель не покорился стремительно летящему времени. Если бы знать, как созревают замыслы, как рождаются книги. Видим-то мы уже готовое произведение. Однажды он сказал при встрече:

— Все! Пишу роман, — и радостные морщинки залегли у глаз, характерные для него морщинки от постоянных дум, от ночных бдений у настольной лампы. Очки ведь не помогают видеть прошлое, будущее.

Говорят, книги писателя — это его судьба. И в прямом смысле, как факт биографии, и, что важнее, в переносном. Не расскажешь взволнованно о том, чего не видел, не пережил, чем не переболел. Даже исторический роман нужно выстрадать. Так и у Павла Омелья-

ненко. Думаю об этом, читая последний, вышедший после безвременной смерти автора, роман «Дикая скала».

Он — о жизни и борьбе людей в военное лихолетье: об эвакуации завода, оккупации и фашистских застенках на Украине, в Германии, Чехословакии (кстати, там, в Праге, в горах Павел Данилович побывал у друзей уже в мирное время). События происходят вначале на металлургическом заводе, очень напоминающем «Запорожсталь», в поселке Дикая Скала. Кто из старожилов нашего областного центра не знает поселок на Дурной скале? Между прочим, Павел Данилович и жил неподалеку от него.

В узнавании родных мест для читателя есть, помимо приятности, и другой, более существенный резон. Думаешь: вон какие люди ходили не где-то, а по моим улицам. Чем же я хуже? И невольно подтягиваешься. Это, если речь идет о героях, симпатичных вам. Но тут же, по проспекту Ленина, по «Запорожстали» ходили (и не только ходили) фашисты. Пусть представит себе это молодой запорожец. А читая роман, представляешь это с болью и гневом.

Автор убедительно, во весь рост, и одновременно не скрывая слабостей и недостатков, свойственных каждому, рисует доменщика Гордея Колкова, его жену Ульяну, сына Алексея, Любу Залворкину, отчаянного хлопца по прозвищу Копченый Глаз. Я вижу этих людей. Они не герои — в самом возвышенном и привычном значении слова. Более того, когда они совершают поступки, достойные самых громких похвал, то ни сами, ни автор их не высказывают. Вот мы такие — и все. Иначе мы не можем жить. Поэтому у

меня, читателя, нет сомнения — это правда.

Герои П. Д. Омельяненко живут по законам совести советских людей. Звучит это легко и привычно, однако соблюсти в себе Законы и Совесть, когда вокруг фашистский произвол, царят незаконные и бесовские, — ох, как тяжело. Показать это и стремился Павел Омельяненко. Тут, на мой взгляд, и кроется замысел его романа. Согласитесь, замысел далеко не простой.

Алексей Колков видит: «Из кукурузы выходили все новые и новые раненные. Один, с подвязанной рукой, почти тащил на себе ослабевшего товарища. «Это же Панкрат!» — ахнул про себя Алексей. Забывшись, он едва не окликнул его. Но тут раздалась короткая очередь. Борованов вздрогнул, опустил тело товарища. С серым, помертвевшим лицом, слезными от гнева глазами он пошел на стрелявшего, пошел тяжело, враскачку, выставив перед собой, как щит, руку в бинтах. Молодой, розовощекий немец, угадав намерение Борованова, поднялся, выкрикнул что-то злое и резко поднял вздрагивающий ствол автомата. Панкрат упал».

Так погиб Солдат. «Как он на немца шел! Как шел...» — не раз будет вспоминать Алексей. Может показаться, что это всего лишь эпизод. Но автор придает ему многоголосое звучание.

Смерть Солдата видел и бывший диспетчер завода Мариенко, но не восхитился, сказал: «Погиб он зря». Почему он так сказал? Это нам объясняет автор: «Мысли и поступки старшего диспетчера Мариенко, как и многих людей его круга, до поры испытаний были правильные, простые и ясные. Он втайне считал, что не стоит утруждать себя и глубоко усваивать какие-то осново-

полагающие принципы и правила. Ведь в каждой конкретной политической или производственной ситуации всегда тебя кто-то направляет и контролирует, кто-то решает за тебя. А тут Мариенко вдруг оказался без этого «кого-то», остался один на один со своей сутью и совестью. Сильно обуреваемая обила: по какому праву его, руководящего работника, бросили в этой дурацкой степи?.. Кругом немцы, сопротивляться, понятное дело, бесполезно, он не такой глупец, как этот Панкрат. Коль армия не может устоять, то чего уж там... В город нельзя. Узнают, выдадут... Тут где-то в селе надо приспособливаться... Он кинул в огонь партбилет, другие документы».

Алексей же принимал участие в подпольной работе, был арестован, случайно избежал гибели и, как тысячи других, был увезен в Германию.

Сначала они «валялись на холодном бетонном полу. В лагере существовал порядок: лишь после того, как на нарах кто-то умрет, первый из очереди выволакивает труп во двор и занимает место умершего. Умирали каждый день. Очередь продвигалась быстро. Но не уменьшалась, поскольку новичков из России, Украины, Белоруссии эсэсовцы доставляли пока что регулярно и крупными партиями».

В заключение хочется отметить то, на что читатели, к сожалению, редко обращают внимание. Роман — вышла пока его только первая книга — готовил к печати высококвалифицированный редактор Леонид Николаевич Панасенко, кстати, тоже автор многих интересных повестей и рассказов.

В. АХИНЬКО.